

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 339.72, 336.025

JEL F38, G18

DOI 10.26425/1816-4277-2021-1-126-133

Ващекина Ирина

Викторовна

канд. экон. наук, ФГБОУ
ВО «Российский государственный
университет правосудия»,
г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0003-1770-1607

e-mail: vaschekina@mail.ru

Ващекин Андрей

Николаевич

канд. экон. наук, ФГБОУ
ВО «Российский государственный
университет правосудия»,
г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0002-7981-8803

e-mail: vaschekin@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ДОХОДОВ ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЯ – ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ УКРЕПЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Аннотация. Проанализировано развитие международных соглашений по средствам контроля финансовой деятельности, заключаемых для противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Исследование проводилось аналитическими методами на основе отечественного законодательства, международных соглашений и нормативных актов. В результате тридцатилетней работы по организации взаимодействия в развивающейся трехуровневой системе финансового мониторинга сложился целый комплекс мер, основной тенденцией развития которого является снижение информационной неопределенности. В связи с этим особую важность приобретает пятое поколение соглашений по ограничению потенциально нелегальной деятельности в финансовой сфере, вводимое с 2020 г. В состав охваченных ограничительными и контрольными мерами юридических лиц теперь входят криптообменные платформы, провайдеры виртуальных кошельков, а также фирмы, предоставляющие услуги по обмену валютой. По ряду направлений проводится автоматический обмен сведениями о выполняемых транзакциях, а также об их участниках – клиентах банков, страховых и брокерских компаний, инвестиционных фондов, с целью предотвращения агрессивного налогового планирования и затруднения доступа к необоснованным налоговым послаблениям. Приведены экономические и организационные результаты вводимых правовых мер.

Ключевые слова: криптовалюта, международное соглашение, платежная система, налоговая оптимизация, отмывание нелегальных средств, противодействие, финансовая организация, цифровые технологии

Для цитирования: Ващекина И.В., Ващекин А.Н. Международные меры противодействия отмыванию нелегальных доходов пятого поколения – правовые условия укрепления безопасности финансового рынка // Вестник университета. 2021. № 1. С. 126–133.

Irina V. Vashchekina

Cand. Sci. (Econ.), Russian
State University of Justice,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1770-1607

e-mail: vaschekina@mail.ru

Andrey N. Vashchekin

Cand. Sci. (Econ.), Russian
State University of Justice,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7981-8803

e-mail: vaschekin@mail.ru

INTERNATIONAL MEASURES TO COUNTERACT THE LAUNDERING OF ILLEGAL INCOME OF THE FIFTH GENERATION – LEGAL CONDITIONS FOR STRENGTHENING THE SECURITY OF THE FINANCIAL MARKET

Abstract. The article analyses the development of international agreements on the means of controlling financial activities, concluded to counteract the laundering of proceeds from crime and the financing of terrorism. The study was carried out by analytical methods based on domestic legislation, international agreements and regulations. As a result of thirty years of work on organizing interaction in the developing three-level financial monitoring system, a whole set of measures has developed, the main development trend of which is to reduce information uncertainty. In this regard, the fifth generation of agreements on the limitation of potentially illegal activities in the financial sector, introduced in 2020, is acquiring special importance. The legal entities covered by the restrictive and control measures now include crypto exchange platforms, virtual wallet providers, as well as firms that provide currency exchange services. In a number of areas, information is automatically exchanged about ongoing transactions, as well as about their participants – clients of banks, insurance and brokerage companies, investment funds, in order to prevent aggressive tax planning and make it difficult to access unjustified tax breaks. The paper presents the economic and organizational results of the introduced legal measures.

Keywords: digital technologies, countermeasure, cryptocurrencie, financial organizations, illegal money laundering, international agreement, payment system, tax optimization

For citation: Vashchekina I.V., Vashchekin A.N. (2021) International measures to counteract the laundering of illegal income of the fifth generation – legal conditions for strengthening the security of the financial market. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 126–133. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-1-126-133

© Ващекина И.В., Ващекин А.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Vashchekina I.V., Vashchekin A.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Глобальный финансовый рынок, ставший к началу XXI в. одним из акселераторов развития многих стран и всей мировой экономики, обеспечил высокую степень международного сотрудничества в самых разных сферах. Количественный рост финансовых контактов (и в первую очередь – трансграничных переводов), происходящий на фоне совершенствования информационных технологий, существенно затрудняет контроль за прозрачностью этих операций [5]. Умножение и усложнение взаимосопряженных интернациональных финансовых организаций еще более повышает потенциальные возможности структур теневой экономики в плане легализации доходов, получаемых ими преступным путем, и делает практически нереализуемым обеспечение этого контроля со стороны правоохранительных органов любой отдельно взятой страны, которая ставит перед собой такую задачу.

Принимая во внимание ту общественную опасность, которая создается при задействовании национальных финансовых рынков и действующих на них организаций в процессы отмывания нелегально приобретенных средств, органы государственного и финансового управления разных стран организовали взаимный обмен информацией, характеризующей состояние дел в этой области, а также установили правила, препятствующие преступным сообществам влиять на экономики этих государств. Международное сотрудничество, опирающееся на взаимодействие правоохранительных органов и финансовых структур отдельных стран, привело к созданию полноценных организаций, противодействующих отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ). Значение этих организаций и степень воздействия на контролируемые финансовые области неуклонно повышаются.

К настоящему времени образовалась целая система взаимопроникающего мониторинга, формируемая тремя уровнями уполномоченных организаций, первый из которых образуют международные объединения, второй – общенациональные структуры ПОД/ФТ, а третий – отдельные финансовые и коммерческие организации, вовлеченные в сотрудничество с первыми двумя уровнями и контролируемые в пределах согласованных полномочий. В авангарде аналитической и нормативной работы по ее развитию находятся структуры Европейского союза (далее – ЕС), инициативы которых паритетно поддерживаются развитыми странами. Россия активно сотрудничает с ЕС в этой области, своевременно корректируя законодательство и внедряя передовые схемы ПОД/ФТ [2].

Развитие контрольных мер и принципов ПОД/ФТ

Важнейшей мерой, повышающей степень финансовой безопасности на всех уровнях, стало введение политики сокращения анонимности в финансовой деятельности. В первую очередь это выразилось в строгой регламентации состава документов, сопровождающих банковские операции – от открытия банковского счета и получения кредита до купли-продажи валюты, в том числе подтверждающих личность или организацию. Повышенные требования к набору документов дали возможность контролирующим органам проводить выборочные (а при необходимости – сплошные) проверки счетов с целью ПОД/ФТ, обобщать полученный материал, выявлять типовые приемы и тенденции развития нелегальной деятельности преступных групп, вырабатывать дальнейшие меры по своевременному реагированию и предупреждению подобных преступлений [6].

Развитие политики сокращения анонимности в финансовой деятельности привело к формированию общепринятой на глобальном уровне концепции КУС (от англ. Know Your Customer – знать своего клиента). Эта аббревиатура впервые появилась в списке требований, предъявляемых к финансовым организациям Департаментом по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN) Казначейства США (фактически, этот комплекс средств контроля сложился в документах различных международных институтов и успешно применялся на практике с начала 2000-х гг.).

Указанный принцип деятельности финансовых организаций предполагает, что они берут на себя обязательство тщательно изучить любого потенциального клиента. Для этого необходимо, во-первых, убедиться в его реальном существовании, проверить наличие удостоверения личности и адреса проживания, обеспечить двусторонний телефонный контакт с ним. Во-вторых, следует оценить приемлемость потенциального клиента для банка, законность его доходов и предполагаемых операций.

При дальнейшем взаимодействии с клиентом осуществление принципа KYC требует идентификации его личности при каждой финансовой операции, причем для дополнительного повышения безопасности операции дробятся (при этом количество идентификаций увеличивается). К примеру, банком в рамках обеспечения принципа KYC задаются лимиты разового снятия наличных, вводится дополнительная верификация личности с помощью телефона клиента (контрольное SMS с возможностью совершения тревожного звонка). Подобные приемы уменьшают риск потери средств добросовестного клиента при осуществлении мошеннических действий, заметно повышают степень контроля финансовых транзакций, облегчают выявление коррупционных схем (посредством анализа повторяющихся однотипных переводов, их содержания, участников и т. д.). Углубленным развитием KYC является аналитический метод KYCC (от англ. Know Your Customer's Customer – знай клиента своего клиента – аббревиатура, возникшая в последнее десятилетие).

В настоящее время принцип KYC лежит в основе деятельности банков, платежных систем, паевых и инвестиционных фондов, бирж, букмекерских контор. Важность KYC стремительно возрастает по мере развития информационно-технологической деятельности, внедрения онлайн-технологий, позволяющих за короткое время проводить большое количество операций, по мере распространения криптовалют в платежных системах.

Отметим, что следование принципу KYC является лишь начальной ступенью обеспечения безопасности финансовых операций, комплекс которых складывался с 1989 г., когда в международном деловом сообществе возникла Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). За тридцать лет организации информационного взаимодействия в рамках постепенно развивающейся с целью ПОД/ФТ трехуровневой системы финансового мониторинга сложился комплекс мер, объединенный аббревиатурой AML (от англ. Anti-Money Laundering – противодействие отмыванию денег), в более полном варианте – AML CFT CWMDf (от англ. Anti-money laundering & Counter-terrorist financing & Counter-weapons of mass destruction financing – противодействие отмыванию денег, полученных преступным путем, финансированию терроризма и создания оружия массового уничтожения). Это название отражает разносторонние цели, которые AML ставит перед всеми участниками финансовой сферы, образуя свод равноуровневых нормативов и совокупность мер различной степени строгости, включающих не только противодействие операциям, проводимым в интересах отмывания нелегальных доходов и сокрытия уголовных преступлений, но и предотвращение финансирования террористических сообществ, в том числе занятых созданием оружия массового поражения.

Немаловажными результатами, которые обеспечило распространение принципов AML, являются предупреждение от вовлечения предприятий и организаций в мошеннические схемы, защита от хищений, от увода товаров, ценных бумаг и инструментов наличного расчета в нелегальную сферу, а также обеспечение своевременной и точной уплаты налогов [1].

Наряду с упомянутой концепцией KYC, комплекс AML выбрал такие контрольные инструменты и процедуры, как используемая в 1991 г. CDD (от англ. Customer Due Diligence – проверка клиента на благонадежность) и введенная в 2001 г. EDD (от англ. Enhanced Due Diligence – углубленная проверка на благонадежность). Отчеты EDD составляются специальными организациями на основе международного стандарта ISAE 3 000 и формируют базу сведений о клиентах с относительно высокой степенью ненадежности (свообразные рейтинги рисков).

Подобные отчеты имеют возможность предоставлять и сами клиенты финансовых учреждений, независимо от их величины, обеспечивая открытость информации о природе и основе своего бизнеса, происхождении средств, целях создания счетов. Эти сведения могут подкрепляться или оспариваться любыми достоверными источниками, к которым, как это ни удивительно, относят даже упоминания в средствах массовой информации (негативные подлежат опровержению).

По мере накопления международного опыта применения AML постоянно эволюционировал весь комплекс международных соглашений, внутренних законов, нормативов, отчетов, правил, положений и мер по обеспечению ПОД/ФТ, в результате чего появлялись соответствующие Директивы AML (рис. 1).

AML Anti-Money Laundering				
D1 – 1991 г. Директива 91/308/ЕС	D2 – 2012 г. Директива 2001/97/ЕС	D3 – 2005 г. Директива 2005/60/ЕС	D4 - 2015 г. Директива 2015/849/ЕС	D5 - 2018 г. Директива 2015/843/ЕС
О предотвращении использования финансовой системы для отмывания денег. Даны понятия «отмывание денег», «обязательная идентификация»	Расширена сфера применения 1-й Директивы. Под отмыванием денег подразумевают не только торговлю наркотиками, но и преступления, связанные с мошенничеством и нанесение ущерба бюджету ЕС. На принятие Директивы повлияла Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 2000 г.	О предотвращении использования финансовой системы для отмывания денег, дополнено: «и финансирования терроризма»	Ужесточила требования к обязанным субъектам в части идентификации и проверки благонадежности своих клиентов. Документ обязал страны ЕС создать централизованные реестры бенефициарных владельцев компаний и реестры трастов, а также упростил механизмы сотрудничества и обмена информацией между компетентными органами	Главная цель – свести к минимуму конфиденциальность держателей цифровых активов. Директива направлена на противодействие мошенникам в криптовалютной сфере; дает нормативно-правовую базу, касающуюся вопросов виртуальной валюты; дает определение «виртуальная валюта», «провайдер виртуальных кошельков»

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Директивы Anti-Money Laundering

Криптовалюты с точки зрения финансовой безопасности

Как указано выше, развитие финансовой среды в последнее десятилетие характеризуется растущим влиянием нового типа расчетных средств – криптовалют. Их появление и распространение предопределяются несколькими взаимосвязанными факторами – внедрением новых информационных технологий, глобализацией экономики, кризисом институтов государственного управления и, как следствие, снижением роли государств во всех направлениях общественной деятельности, от ракетно-космической отрасли до сферы здравоохранения [4]. Эти факторы, усугубляемые чередой мировых кризисов, привели к фактической утрате монопольного положения государств в качестве денежных эмитентов.

Как только существование криптовалют стало фактом, перед регулируемыми органами сразу же возникла проблема организации контроля за их оборотом. Возможность отмывания нелегальных доходов инструментальными средствами криптоиндустрии многократно возрастает по сравнению с традиционными учреждениями финансовой сферы. Анонимность виртуальных валют и неподконтрольность криптобирж порождают криминальную активность, доставляющую беспокойство правоохранителям во всех странах мира.

Разработка документов на уровне отдельных стран активно ведется, парламенты вносят ужесточающие поправки в законодательства, пытаются обязать блокчейн-компании и криптобиржи войти в сложившуюся систему ПОД/ФТ и применять процедуры AML к своим клиентам. Важным осложняющим фактором является то обстоятельство, что мировое информационное пространство в весьма малой степени может регулироваться законами отдельных стран и международными соглашениями правовой направленности [3].

Как следует из рисунка 1, принятие Советом Европы 4 мая 2018 г. пятой Директивы по борьбе с отмыванием денег (AMLD5), вызвано главным образом распространением криптовалют. Изначально предполагалось, что на освоение требований AMLD5 потребуется 18 месяцев. Возможно, пандемия COVID-19 осложнила этот процесс на завершающем этапе, но к моменту опубликования настоящей статьи мероприятия AMLD5 можно считать безусловно действующими, внедренными в законодательства стран – членов ЕС. Отметим, что параллельные обязательства аналогичного уровня были возложены и на американские виртуальные валютные биржи.

С вступлением в силу AMLD5 нерегулируемые ранее криптовалютные платформы перешли на новый режим работы, который обязывает выполнять правовой аудит клиента (CDD) и представлять отчеты о подозрительной деятельности (SAR, от англ. suspicious activity reports). Службам, занимающимся сбором финансовой информации, может быть поручено отыскивать владельцев виртуальной валюты, вследствие чего заметно затрудняется ее анонимное использование. Все криптовалютные биржи и кошельки регистрируются по месту их фактического расположения.

Обеспечение условий AMLD5 предполагает:

- открытость информации по бенефициарам компаний, владельцам недвижимости, трастам и их аналогам, с заполнением реестров юридических лиц на государственном уровне;
- снижение порогового значения при идентификации покупателей prepaid карт, а также пользователей электронных платежных средств для предотвращения рисков ОД/ФТ;
- расширение полномочий служб финансового надзора;
- формирование баз данных государственного уровня, включающих сведения о пользователях виртуальной валюты с перечислением номеров кошельков;
- новые полномочия для финансовой разведки ЕС;
- защиту осведомителей.

Как видим, если ранее требования к проверке ограничивались финансовыми учреждениями, бухгалтерами и налоговыми консультантами, то в AMLD5 число обязанных юридических лиц расширяется – теперь туда входят криптообменные платформы (VCEP), провайдеры виртуальных кошельков (CWP) и фирмы, предоставляющие услуги по обмену валюты.

Эти требования логичны, поскольку многие криптообменные платформы фактически действуют как электронные валютные биржи, а провайдеры виртуальных кошельков, создающие виртуальные счета с возможностью депонирования, играют роль банков. Исходя из этих соображений, VCEP и CWP будут выполнять все процедуры безопасности, которые ранее требовались от банков и других финансовых организаций: регистрироваться в государственных органах, ответственных за ПОД/ФТ, осмотрительно вести себя в отношении своих клиентов, информировать правоохранителей о сомнительных операциях.

Пятая Директива существенно модифицирует нормативно-правовую базу, регулирующую отношения, касающиеся виртуальной валюты, задавая в ней ключевые понятия.

Теперь появилось четкое юридическое определение термина «виртуальная валюта». Это «цифровое выражение стоимости, которое не гарантируется Центральным банком или государственным органом, не привязано уже установленной валюте и не обладает соответствующим правовым статусом, но принимается в качестве средства обмена, хранится и продается в электронном виде» [9].

Также AMLD5 дает юридическое определение понятию «провайдер виртуальных кошельков (CWP)», обозначая его как организацию, обеспечивающую защиту частных криптографических ключей и обработку данных о виртуальных валютах. Обозначено различие между виртуальными валютами и электронными деньгами, поскольку последние, согласно п. 2 ст. 2 Директивы ЕС от 2009 г., являются хранимыми денежными значениями на магнитных или электронных носителях, выпускаются официальными эмитентами и предназначены для приобретения средств и проведения платежных операций (электронные деньги в новых условиях фактически приравниваются к банкнотам и монетам).

Сфера финансовых услуг в реалиях информационной открытости бизнеса

Как видим, введение в действие принципов AMLD5 в первую очередь должно было сказаться на работе финансовых организаций, действующих в секторе анонимных операций с криптовалютами, использующих свое лидирующее положение в этом секторе в качестве конкурентного преимущества и ресурса развития (отметим, что нередко такие фирмы специально создаются исключительно для функционирования на крипторынке). Так и оказалось. Возрастающее регулятивное давление на криптоотрасль уже вызвало сокращение предложений.

Очевидно, что в новых условиях подобные финансовые организации могут задуматься о смене резиденции, обратив свое внимание на контрольные условия ведения бизнеса в тех странах, которые не являются членами ЕС. Местные стандарты некоторых стран могут оказаться мягче тех, что приняты в ЕС. Ближайшими

для рассмотрения целями являются Швейцария и Лихтенштейн; туманные перспективы развития обстановки в Великобритании на фоне Brexit также оставляют им некоторые надежды.

Таким образом, введение AMLD5 может в определенной степени повлечь отток части капитала из банков ЕС и других стран со столь же строгим уровнем контроля, к которым можно отнести в том числе и Российскую Федерацию. Однако и на этом направлении налоговые органы отдельных государств и их объединений применяют специальные приемы удержания налогоплательщиков для наполнения государственных бюджетов. Весомым фактором достижения этих целей является программа противодействия BEPS (от англ. Base Erosion and Profit Shifting – размывание налоговой базы и вывод прибыли из-под налогообложения).

В первую очередь эти ограничения затрагивают международные группы компаний, прибегающие к разнообразным схемам вывода из-под налогообложения конкретной страны. Например, фактически создавая прибыль в странах с высоким уровнем налогов, переоформляют ее как полученную в странах с низкими налогами. Такого рода действия, предпринимаемые недобросовестными налогоплательщиками, характеризуются как агрессивное налоговое планирование. Внешне подобные схемы выглядят вполне легальными в пределах законодательства конкретного государства, но фатально сказываются на сборе налогов. Долгое время государственные органы каждой страны самостоятельно ограничивали утечку налогов, применяя валютный контроль и лицензирование, а иногда накладывая прямые запреты (например, на открытие счетов в зарубежных банках своим резидентам). Но с развитием информационных технологий международное правовое сотрудничество в сфере контроля финансовых операций дало возможность осуществления новых видов контрольных мероприятий, в том числе онлайн [8]. В настоящее время рост объемов оцифрованной информации и скорости ее переработки обеспечивают все большую интерактивность финансового рынка [7].

Соглашение BEPS разработано Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2014 г. при содействии государственных контрольных органов стран, входящих в G20. Оно обеспечивает всем присоединившимся к этой системе организациям автоматический обмен сведениями о проводимых транзакциях, а также об их участниках – клиентах банков, страховых и брокерских компаний, инвестиционных фондов, предотвращая агрессивное налоговое планирование, затрудняя доступ к необоснованным налоговым послаблениям для недобросовестных компаний и физических лиц.

Надо, однако, отметить, что подобные международные соглашения, полезные с точки зрения стран с высоким налогообложением и развитой банковской системой, охотно внедряющих в свои законодательства соответствующие поправки, не находят солидарной поддержки со стороны стран с облегченным налогообложением, в том числе имеющих оффшорные зоны, извлекающие огромные прибыли от налоговой оптимизации. Эти страны могут реально присоединиться к BEPS только под давлением со стороны международного сообщества, которое может выражаться в таких мерах, как отказ странам, не желающим менять свое законодательство, в кредитах и других программах финансирования, политической и военной поддержке.

Можно заключить, что время повсеместного введения в действие соглашения BEPS еще не наступило, но определенные плоды оно уже приносит. Например, если в банке страны, присоединившейся к соглашению, неким лицом открыт корпоративный счет для оффшорной компании или компании-нерезидента по отношению к банку, то об этой компании станет известно налоговой службе в стране налоговой резидентности такого лица. Сведения о клиентах-нерезидентах передаются в другие страны-участники, а также в централизованный реестр ЕС, что может вызвать соответствующие проблемы у такого налогоплательщика. В первую очередь это относится к физическим лицам, открывшим счета в зарубежных банках стран-участниц. У юридических лиц еще остается некоторое время, чтобы определиться с резидентностью бенефициара компании, до получения извещения от налоговых органов.

Выводы

К результатам, достигнутым совокупным влиянием описанных в статье международных соглашений, можно отнести следующие.

Недобросовестным финансовым операторам, прибегающим к налоговой оптимизации, придется нести дополнительные расходы, связанные с отказом от привычных схем увода налогов, что может привести их к осознанию их экономической нецелесообразности – возможные убытки от штрафных санкций могут оказаться вполне сопоставимыми с сумой налогов, уплачиваемых без прокладки в виде нерезидентных компаний.

Схемы, считавшиеся ранее по внешним признакам вполне легальными, в новых условиях функционирования международного бизнеса окажутся незаконными, и информация о них, представленная в местные налоговые органы, может оказаться фатальной для такого оператора.

Ожидается рост спроса на фидуциарные услуги, предполагающие трастовую передачу прав на активы резидентам стран, в которых отсутствует налогообложение физических лиц и их доходов (например, островных государств). Альтернативным вариантом остается прямая покупка резидентного статуса в Швейцарии, Белизе, Панаме, островных государствах Карибского моря (Антигуа, Доминика, Сент-Люсия и др.) или на Сейшелах, хотя и эти страны в последние годы постепенно меняют правила налогообложения.

Несмотря на законодательное противодействие многих стран, распространение цифровых валют, криптовалют, стейблкоинов, а также виртуальных платежных карт неостановимо; они занимают все возрастающую долю расчетов в сфере услуг и розничной торговли.

Более жесткие требования контрольных органов заставляют финансовые структуры осторожнее и тщательнее относиться к подготовке документации, особенно по внешнеэкономическим операциям, в частности, при оформлении зарубежных займов из-за рубежа, приобретении товаров с отсрочкой платежа, представлении прав пользования интеллектуальной собственностью, покупке долговых ценных бумаг и инвестициях в корпоративные права.

Международное налоговое планирование затрудняется, но все еще остается актуальной проблемой, поскольку формально бизнес не ограничивается при выборе страны банка. Важное изменение в условиях и обстоятельствах работы состоит в большей открытости информации и, как следствие, неизбежности правовых последствий использования серых схем и сомнительных приемов налоговой оптимизации. Поэтому любое финансовое учреждение при открытии нового счета должно внимательно изучить намерения клиента и убедиться, что перспективная работа с ним имеет реальное экономическое обоснование.

Библиографический список

1. Ващекин, А. Н., Ващекина, И. В. Информационное взаимодействие в системе борьбы с «отмыванием» преступных доходов: риск-ориентированный подход // Правовая информатика. – 2018. – № 4. – С. 4-13.
2. Ващекина, И. В., Ващекин, А. Н. Применение риск-ориентированного подхода при организации противодействия отмыванию нелегальных доходов в российской практике // Наука и практика. – 2018. – № 3. – С. 61-69.
3. Горшкова, Л. В. Место норм, регулирующих сеть Интернет, в системе российского права // Информационные ресурсы России. – 2005. – № 3 (85). – С. 8.
4. Иохин, В. Я. Испытание глобализмом // Философия хозяйства. – 2010. – № (68). – С. 106-117.
5. Крылова, Л. В. Проблемы и направления развития международной банковской деятельности // Проблемы теории и практики управления. – 2020. – № 4. – С. 72-83.
6. Ловцов, Д. А. Проблема эффективности международно-правового обеспечения глобального информационного обмена // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 11 (17). – С. 24-31.
7. Тропская, С. С. Финансовый рынок в условиях развития цифровой экономики (финансово-правовой аспект) // Финансовое право. – 2018. – № 8. – С. 28-33.
8. Федосеев, С. В. Применение современных технологий больших данных в правовой сфере // Правовая информатика. – 2018. – № 4. – С. 50-58.
9. Директива AMLD5 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.156.01.0043.01.ENG&toc=OJ:L:2018:156:TOC (дата обращения: 14.12.2020).

References

1. Vashchekin A. N., Vashchekina I. V. Information interaction in the system of combating the laundering of criminal income: risk-based approach, *Legal informatics*, 2018, no. 4, pp. 4-13. (In Russian).
2. Vashchekina I. V., Vashchekin A. N. Application of a risk-based approach in the organization of countering laundering of illegal income in Russian practice, *Science and Practice*, 2018, no. 3, pp. 61-69. (In Russian).
3. Gorshkova L. V. The place of the rules regulating the Internet in the system of Russian law, *Information Resources of Russia*, 2005, no. 3 (85), pp. 8. (In Russian).

4. Iokhin V. Ya. The test of globalism, *Philosophy of Economy*, 2010, no. 2 (68), pp. 106-117. (In Russian).
5. Krylova L. V. Problems and directions of development of international banking, *International Journal of Management Theory and Practice*, 2020, no. 4, pp. 72-83. (In Russian).
6. Lovtsov D. A. The problem of the effectiveness of international legal support for global information exchange, *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, 2011, no. 11 (17), pp. 24-31. (In Russian).
7. Tropkaya S. S. Financial market in the context of the development of the digital economy (financial and legal aspect), *Finansovoe pravo*, 2018, no. 8, pp. 28-33. (In Russian).
8. Fedoseev S. V. Application of modern big data technologies in the legal field, *Legal informatics*, 2018, no. 4, pp. 50-58. (In Russian).
9. *AMLD5 Directive*. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.156.01.0043.01.ENG&toc=OJ:L:2018:156:TOC (accessed 14.12.2020). (In Russian).